

«ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА. ВОСПОМИНАНИЯ» М. ГОРЬКОГО

Э. КОНДЮРИНА

«Заметки из дневника. Воспоминания»¹ создавались Горьким в одно время с итоговыми произведениями «Мои университеты», «Дело Артамоновых». Этим обстоятельством отчасти можно объяснить, что для большинства читателей они прошли незамеченными. В литературной же критике стала складываться определенная концепция, сохранившая свое значение до сих пор. «Заметки...» рассматриваются как отступление от кардинальной линии творчества Горького советского периода, как возвращение к теме окурщины и одностороннее изображение первых лет революции.

Вряд ли правомерно подходить с одним критерием к произведениям, занимающим разное место в творчестве писателя. Известно, что Горький критически относился к «Моим университетам», «Делу Артамоновых», но он сознавал их обобщающую силу. «Заметкам...» же он такого значения не придавал. «Очень тронут... похвалой «Заметкам», очень тронут и сердечно благодарю, хотя должен сказать, что лично я значения им не придаю: это — мусор, который необходимо было выбросить из души и памяти, чтоб он не мешал работать»² — писал Горький М. Ф. Андреевой в октябре 1923 г. после первой публикации нескольких заметок из дневника.

Рассматривая «Заметки...» как возвращение к теме окурщины, мы тем самым игнорируем то новое, что появилось в творчестве Горького к 1924 г. Видеть в произведении выражение преимущественно прежних воззрений на жизнь, это значит не учитывать особенностей духовного развития писателя в новое время.

Горький в начале 20-х годов живет в Германии, Чехословакии, поддерживает дружеские отношения с крупнейшими писателями мира —

¹ В дальнейшем для краткости будем называть это произведение «Заметки...»

² Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968, стр. 352.

По всей вероятности, этот материал «остался» от воспоминаний о писателях и общественных деятелях России, «Моих университетов», которые предшествовали «Заметкам...», но был достаточно ограничен, поэтому и потребовал воплощения.

Роменом Ролланом, Стефаном Цвейгом, Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом. «Заметки...» создавались не только для советского, но и зарубежного читателя и отвечали на тот повышенный интерес к России, который наблюдался в это время. Так в письме к Р. Роллану в декабре 1922 г. Горький сообщал, что намерен «писать книгу «Русские люди», которая, по-видимому, будет интересна для Европы»³. Действительно, некоторые из заметок были опубликованы раньше в журнале Р. Роллана «Еигоре», а позже в «Беседе» Горького.

Переписка Горького с Р. Ролланом, С. Цвейгом этих лет очень много дает для понимания круга вопросов, горячо волновавших всех писателей. Главным, естественно, был вопрос о России, о национальном характере. Горький писал Роллану, что его мучает «загадка — человеческая, русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же — сгорит и останется только пепел — или?»⁴. Роллан отвечает Горькому тоже раздумьями о своеобразии национальных характеров: «Скажите, не кажется ли Вам, что русский человек (при всем том, что он носит в себе хаос инстинктов) чрезвычайно рассудочен — больше, чем, в среднем, представители других рас — больше, чем англосакс, еще больше даже, чем немец (из народа), который становится рассудочным лишь в результате полученного им образования?»⁵ Восторженное отношение Горького к Франции было встречено Ролланом скептически: «Я упрекал Вас за то, что Вы видите лишь улыбку Франции. Я хочу, чтобы видели и ее зубы»⁶.

В переписке с С. Цвейгом Горький затрагивал вопрос о национальном своеобразии писательского таланта. Цвейг писал Горькому в сентябре 1923 г., в момент работы последнего над «Заметками...», что русские писатели более естественны, непосредственны, чем немецкие. «Нам надо слишком много «культуры» преодолеть в себе, и самые глубины **народные** остаются от нас скрытыми»⁷.

Непосредственные наблюдения над жизнью Европы также способствовали более углубленному подходу к тем вопросам, которые волновали Горького в России — революция, русский народ. Переписка с Е. П. Пешковой позволяет видеть, насколько менялось отношение писателя к Европе. Вот каковы были первые впечатления: «А все-таки, душа моя, Европа-то силища! Начинается она в Финляндии, удивительной стране, которую чем больше видишь, тем больше уважаешь.

³ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 3, М., 1959, стр. 303.

⁴ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. «Архив А. М. Горького», том VIII, М., 1960, стр. 337.

⁵ Там же, стр. 338.

⁶ Там же, стр. 344.

⁷ Там же, стр. 13.

Швеция тоже работает во всю силу, а о немцах и говорить нечего»⁸ — писал Горький из Берлина в октябре 1921 г. В ноябре 1923 г. он сообщает: «...процесс одичания людей развивается с быстротой изумительной, чему главной причиной и служит голод»⁹.

«В немцах жить стало невыносимо. Изумительно хрупкая и тонкая вещь — культура, и жутко наблюдать, как быстро утрачивает ее таковой, казалось бы, вымуштрованный, дисциплинированный народ, каковы немцы»¹⁰. Мысли о разрушении человека под влиянием жесточайших обстоятельств содержатся во многих письмах Горького тех лет к С. Ценскому, В. Каверину, С. Цвейгу и др.

С другой стороны, писатель наблюдал за первыми шагами молодого советского государства в области культуры. Особенно поражали его широта культурных начинаний и рост писательских дарований.

Все эти наблюдения способствовали тому, что Горький по-новому посмотрел на Россию, на русский народ. «...а пожить на чужой стороне — все равно, что посмотреть на себя самого чужими глазами»¹¹ — писал Горький в статье о Н. С. Лескове в 1923 г. Этот взгляд со стороны особенно хорошо чувствуется в письме Горького к Ценскому: «...отсюда, издали, Русь лучше видишь и больше понимаешь, вот почему я, наверное, оценю Вашу книгу правильнее, чем другие. Отсюда видишь, что Русь, при всей душевной спутанности своей, чувствует жизнь острее, шире, а к издевкам ее относится более человечески обидчиво...»¹²

«Заметки...» и были тем произведением, которым Горький своеобразно ответил на мучавший его вопрос о «русской душе». В послесловии к своему произведению писатель говорит, что первоначально хотел назвать книгу «О русских людях», но отверг это название как нескромное.

Из сказанного видно, что работа над «Заметками...» не была простым возвращением к теме окуровщины. Главным в изображении Руси становились ее неповторимые особенности, которые открылись художнику, увидевшему разные нации в сходной ситуации. Это не могло быть простым возвращением к теме окуровщины еще и потому, что у Горького изменилось само отношение к национальному характеру. В уже цитированном письме к Ценскому Горький непосредственно раскрывал суть своего отношения к России: «Властно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настоящее русское. На меня оно

⁸ А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1906—1939, «Архив А. М. Горького», т. IX, М., 1966, стр. 215.

⁹ Там же, стр. 230.

¹⁰ Там же, стр. 232.

¹¹ А. М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, М., 1953, стр. 228.

¹² Там же, т. 29, стр. 413.

всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой, как это хорошо, и до чего наше, русское, мое! А разум сердится, свирепо кричит: да ведь это же бесформенная путаница слепых чувств, нелепейшее убожество, с этим жить — нельзя, не создашь никакого «прогресса». И — начинается бесплодное борение двух непримиримых отношений к России...»¹³ Вот это борение непримиримых отношений к России и находит выражение в «Заметках...».

* * *

Горький обращает внимание, в первую очередь, на сложность, противоречивость характера, который не открывается с первого взгляда. Таковы все его герои — от Блока до какого-нибудь владельца войлочного завода в Арзамасе. Так, например, герой рассказа «Паук» — торговец «древностями» Ермолай Маков — вначале производит впечатление просто глупого человека. «...принесет продавать чернильницу подъячего, жалованный ковш целовальника или древнюю монету, упорно торгуется, продаст и вдруг могильным голосом скажет: Нет, не хочу»¹⁴. Но в то же время он не был жаден, давал помногу нищим, а к себе относился небрежно. И вот однажды он рассказал Горькому, как двадцать третий год он живет в «неизбывном страхе», так как в плоть его вселена чужая душа.

Или другой персонаж банщик Степан Прохоров. «Двигался он осторожно, говорил тихо, как будто все вокруг него спали, а он не хотел будить людей. Работал солидно, неутомимо и охотно брал на себя работу других» [243]. И вдруг он раскрывается с неожиданной стороны — рассказывает о воровском прошлом, о попытке убить человека, чтобы проверить силу бога. Оба эти человека в глазах окружающих были никчемными, неинтересными людьми, и только человековедческое пристрастие Горького позволило открыть в них нечто существенное. Композиционное построение «Заметок...» передает процесс постепенного постижения писателем того или иного человека. Каждый раз перед нами предстает им лично открытое. К репортерше «Нижегородского листка» Анне Шмит все относились как к блаженной, недоумку, ибо уж очень убог был ее внешний вид, убоги суждения о политике города и государства. И вот автор узнает, что она переписывается с философом Вл. Соловьевым и руководит религиозным кружком, который способен был развиться в секту. Во время откровенной беседы он видит, как эта «серенькая старушка, похожая на самку воробья, говорила о человеке шумной славой, о философе, искуснейшем диалектике

¹³ Там же, стр. 411—412.

¹⁴ Там же, т. 15. М., 1951, стр. 203. В дальнейшем ссылки на это произведение даются в тексте с указанием страницы.

и талантивом поэте, тоном матери, встревоженной поведением сына» [170].

В «Заметках...» есть интересный цикл «Люди наедине сами с собою». Это повествование о Чехове, Льве Толстом, профессоре химии Тихвинском, Блоке, т. е. о людях заведомо разумных. Горький показывает их поведение в минуты, когда им казалось, что никто за ними не наблюдает. Так Чехов упорно старался поймать солнечный луч в шляпу и надеть его вместе со шляпой на голову. Неудача рассердила его настолько, что он отпихнул ногой собаку.

Горьковская мысль о сложности, непростоте человека перекликается с той оценкой, которую дает Цвейг в одном из писем: «Россию нельзя «увидеть», как Италию, из окна вагона, совершая туристскую поездку. С Россией надо сжиться»¹⁵.

В чем суть этого характера? Почему он столь противоречив и требует пристального внимания? Горький говорит, что в русском человеке соединялось казалось бы несоединимое. «...и от церкви до балагана — характернейшая траектория полета русской души», — писал Горький в уже цитированном письме к Ценскому¹⁶.

Вот владелец войлочного завода. Он четвертый год читает «Историю Государства Российского», с уважением относится к этому сочинению и к книге вообще. И он же с нескрываемым вожделением подсматривает в чердачное окно за свиданием доктора и приезжей барыни. Яков Лесников — местный Дон-Жуан — от скуки готов в бога поверить. Та же Анна Шмит, терпеливо сносившая оскорбительные издевательства 80-летней матери, не прощает ошибочных воззрений философу Соловьеву.

Подобное соединение казалось бы несоединимого определяется, по мнению Горького, тем, что русских людей волнует не вопрос «как жить?», а «для чего жить?» Ермолай Маков, который «ходил зиму и лето в старенькой, на вате, поддевке, в теплом измятом картузе, в худых сапогах» [203] и жил бездомно, был озабочен сохранением чужой души, якобы вселившейся в него. Банщика Прохорова в свое время ждала карьера управляющего богатым имением, а он крадет деньги, чтобы проверить прочность своего счастья. Бугров, удельный князь Нижегородский, обладатель 60-миллионного состояния, заявляет: «Все — работают. На кого же? Для чего?.. Ну — я богат. Покорно благодарю! А еще что?» [233].

В силу подобной особенности характера становится понятным существование прямо противоположных типов человеческого поведения — подвиг самоотвержения и «подвиг» разрушения. Горький ри-

¹⁵ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, стр. 26.

¹⁶ А. М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 29, стр. 412.

сует удивительное спокойствие, с каким достигается забвение личных интересов у людей, связавших свою жизнь с большим делом. В этом отношении примечателен образ Мити Павлова — сормовского рабочего-революционера. Во время Московского восстания 1905 г. он привез из Петербурга капсюли и бикфордов шнур, намотав его вокруг ребер, и чуть не задохнулся. «Вы с ума сошли, Митя? Ведь Вы могли дорогой упасть в обморок — понимаете, что тогда было бы с Вами?» Задышавшись, он ответил виновато: «Пропал бы шнур и капсюли тоже...» [326]. И, с другой стороны, поведение парня, который уже четыре раза поджигал из интереса к самому процессу горения. Другая не менее интересная фигура Башки — своеобразного старосты в группе дорожных рабочих. Этот образованный человек, читавший работы Потебни, рассказывает рабочим всякую чушь о чертях, запугивает их и грозит расправой тому, кто пытается разоблачить его выдумки.

Из сказанного видно, что Горький изображал русских людей во всей сложности, правдиво, не обходя и теневых сторон. Под пером Горького вставал характер, который не укладывался в однозначное определение. Подобное изображение позволяло понять причину столь различного отношения к нему со стороны.

Самого Горького восхищала в русских людях способность подняться над будничными обстоятельствами, над требованиями здравого смысла, способность увлечься мечтой, отдать ей все без остатка. И в то же время угнетала бесплодность этих порывов, бесполезность их для практической жизни.

В «Заметках...» есть целый ряд героев, которые несут на себе печать этой двойственности. Таков один из обитателей «Городка» часовщик Корцов. Он влюблен в родные места, но любовь его слепа, ибо он не видит убожества окружающей природы и обстановки и сам ничего не делает, чтобы стало лучше вокруг него. Корцов изобрел замок, который заряжается тремя ружейными патронами, но пользоваться им нельзя: он весит двенадцать фунтов и выстрелит в того, кто попытается открыть его ключом. Вольномыслие и атеизм слесаря Пушкарева явились результатом его личных раздумий над жизнью, но когда к нему приходит побеседовать на эти темы земский статистик, он пугает того полицейским только потому, что вообще не любит земских статистиков.

Однако главным в «Заметках...» является все-таки не столько разнообразие характеров внутри нации¹⁷, сколько особенности мышления

¹⁷ Вопрос о национальном характере разработан у нас мало. В связи с этим представляют интерес замечания Д. С. Лихачева, высказанные им в статье «Национальное единообразие и национальное разнообразие»: «нация, национальность проявляются разнообразно, а не единообразно. Правильнее говорить не о национальном

о мире, разнообразие представлений о жизни. Большинство героев Горького выступают как своеобразные философы¹⁸. Причем их взгляды на жизнь не являются результатом книжного воздействия, а несут на себе печать индивидуального поиска истины, оригинальны, хотя часто и бесплодны. Горького, видимо, привлекали эти особенности русского человека, что нашло отражение в факте создания «Заметок...» и в неосуществленном замысле «Записок из дневника» 1925 г.: «Грустно, что у меня уже нет времени написать книгу, в которой была бы подробно изображена жизнь десяти тысяч русских людей... у каждого человека свой тон речи, свои любимые словечки»¹⁹. В послесловии же к «Заметкам...» Горький особо оговорил и выделил это свойство русского человека: «...я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным... Я уверен, что по затейливости, по неожиданности изворотов, так сказать — по фигурности мысли и чувства, русский народ — самый благодарный материал для художника» [336].

В книге Горького предстают одинаково интересными как поэт Блок, чья напряженная мысль искала и нашла выход из плена символизма, так и деревенская знахарка Иваниха, могильщик Бодрягин и др.

Иваниха — поразительной силы женщина, которая была медведей, сунув им нож в пасть, — удивляет в рассказе Горького не этим эпическим достоинством, а требовательным разговором с богом: «Стыдно тебе, ох, не так надо. Я правду говорю: эй, стыдно тебе! Смотри на твои люди — хорошие люди, а как живут? Э,— Христос! Ты знаешь: бог живет хорошо, когда слушает людей, люди — когда бога слушают. Ты слушай меня, я говорю не плохо, я правду говорю, ты понимай: богу надо знать правду лучше людей, а я, человек, старуха, знаю правду лучше тебя, прежде тебя знаю, э-эх ты, Христос...» Так она укоряла Христа долго; очень жутко гудел ее глухой голос, кипящие слова, булькающая в горле ее, звучали то жалобно, то горько и гневно... На рассвете я уехал из деревни и увез в памяти моей одну из лучших бесед чело-

характере народа. а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален. Своеобразие этого сочетания не менее важно, чем и своеобразие самих характеров... чем сложнее, чем больше в нации национальных характеров, созданных в этой действительности и функционирующих в ней, тем богаче и само национальное своеобразие». «Русская литература», 1968, № 1, стр. 138.

¹⁸ В книге Б. Бурсова «Национальное своеобразие русской литературы» мы находим подтверждение горьковских выводов о русском человеке: «В сравнении с народами Западной Европы русский народ — трудной судьбы. И потому он так склонен к философствованию. Терпение вовсе не бездумность. Как раз напротив. Терпение нуждалось в оправдании, оно требовало размышлений. Лишь во имя чего-то высокого можно было выносить невзгоды и лишения, если не терять человеческого достоинства». Л., 1967, стр. 74.

¹⁹ «Архив А. М. Горького», т. III, М., стр. 176.

века с богом, может быть, самую лучшую из всех, какие довелось слышать мне. «Э, Христос» [202—203].

Глубоко знаменательно само мышление русских людей при всем индивидуальном разнообразии «философских систем». Во-первых, ему чужда отвлеченность. Ни одна из «теорий» не является самоцелью, а вытекает из жизненного опыта человека и нужна ему для жизни же. Сестрорецкий банщик Прохоров не мог принять своей удачливости, не верил в право жить лучше других. Он совершал одно преступление за другим, и так как не понес за них наказания, то пришел к выводу, что жизнью человека руководит он сам, а бог тут ни при чем. «Живу без бога. Людей жалко, по причине оброшенности их, и жить мне — скучновато. . .» [250].

Доктор Рюминский, еще будучи студентом, препарируя трупы, задумался о ничтожестве человека. У него стало развиваться безразличное отношение к людям и отвращение к себе, к человеку, который «обязан быть трупом». Эти выводы о жизни привели его на дно: «если я осужден на смерть, я имею право жить, как хочу» [183], т. е. он слагает с себя ответственность перед обществом. Знахарка Иваниха, видя бездеятельность «создателя», берет на себя труд защиты мужиков и установления справедливости на земле. Даже философия Вл. Соловьева предстает через деятельность А. Н. Шмит в своем практическом преломлении.

С этим связано второе свойство русского ума — неутомимые поиски правды, правдоискательство. Он останавливается только тогда, когда находит ответ на мучивший его вопрос, хотя ответ объективно может оказаться не истиной, а заблуждением. Тот же доктор Рюминский, пораженный открытием юности, не подчинился ему спервоначалу, а захотел победить себя. Он стал жить как все люди цивилизованного мира: «Я чувствовал себя в культуре чем-то вроде приказчика в магазине модных вещей: лично мне эти вещи не нужны, а приходилось возиться с ними, даже пользоваться ими и хвалить — из вежливости». [182—183]. Горький изображает две встречи с Рюминским. Одна произошла в 1891 г., когда сам Горький бродил по Руси, а доктор только поинтересовался жизнью бездомного люда. А в 1901 г. это был уже убежденный сторонник босяцкого образа жизни. У Рюминского всегда оставалась возможность вернуться в цивилизованный мир, но он этим не воспользовался, что говорит о серьезности его выбора.

Наконец, в «Заметках. . .» предстает еще одна особенность мышления, которую можно назвать выдумыванием себя, выдумыванием жизни. Капитон Сысоев, Ермолай Маков, палач Гришка Меркулов, учитель чистописания Алексей Алексеевич Кмин поражают читателя необычностью воображения и способностью жить, подчинившись этому воображению. Так Ермолай Маков живо представляет и постоянно

чувствует около себя шестиногого паука «величиной с небольшого козла»; он «бородат, рогат, с женскими титьками, о трех глазах, два ока — в голове, а третье — меж грудями, вниз, в землю глядит...» [205]. Это несообразное существо приставлено, якобы, к Ермолаю, чтобы он «собой не располагал», «не погубил чужую душу». В таком состоянии человек живет уже двадцать с лишним лет. Из рассказа Макова видно, что паук этот, невидимый никому, появился около него после сильного переживания, после попытки осмыслить свои чувства, отношения с людьми. Неспособность объяснить логически, обобщить происходящее рождает в его сознании образную картину. Характер этого образа, при всей его кажущейся нелепости, может быть объяснен родом его занятий. Будучи торговцем древностями, он не однажды видел изображения полуфантастических существ на посуде, монетах и других предметах. Его же воображение создает нечто новое устрашающего облика с целью запугать смертельно. Ермолай Маков действительно не посмел наложить на себя руки.

Другой герой, Капитон Сысоев, уверовал, что его жизненное благополучие держится только на том, что он бросает свои ногти в «чужой огонь». Не веря в себя, он почерпнул силы, поверив в нечто вне себя. И так как он безбожник, пьяница, развратник и циник, то естественно, что силу свою черпает в несчастье других. Подобный тип мышления не противоречит тому, что было сказано о свойствах русского ума раньше. Он характерен для тех, кто страдает «избытком веры при недостатке любви и уважения к человеку»²⁰. Таковы богобоязненный Маков, циник Сысоев, палач Гришка Меркулов.

Вот этот неповторимый облик русского народа, особенности его мышления и были тем привлекательным материалом, который Горький не в силах был обойти. Не придавая серьезного значения «Заметкам...», написав их как бы между прочим, Горький тем не менее отдавал себе отчет в том, что материал этот небезынтересен, поскольку обнаруживает своеобразие русского человека. Не случайно в эти годы Горький пишет статью о творчестве Н. С. Лескова, а через год перерабатывает ее для американского издания. В письме к И. Ф. Калининскому (1924 г.) он писал: «Иностранцы перестают смотреть на русское искусство слова как на нечто экзотическое, провинциальное, они ищут в русских книгах ключ к пониманию русской «души», психологии народа, они заявляют, что у нас и можно и должно кое-чему учиться. Говоря так, они думают не только о Толстом, Достоевском, Пушкине, Гоголе и т. д., но о Лескове, Сергееве-Ценском, «Серапионах», вообще о текущей, о современной нашей литературе»²¹.

²⁰ А. М. Горький, Собр. соч. в 30 т., т. 24, стр. 233.

²¹ Цит. по статье «Из архива А. М. Горького». — «Русская литература», 1968, № 2, стр. 23.

Из сказанного видно, что действительность в произведении Горького предстает не мрачной, не однолинейной, а во всей своей сложности, огорчающей и обнадеживающей одновременно. Отсюда понятны слова автора из «Послесловия» к «Заметкам...». Он пишет, что это книга о русских людях, какими они были, и добавляет: «И я не вполне определенно чувствую: хочется ли мне, чтоб эти люди стали иными?» [336].

В таком своем содержании «Заметки...» не выпадают из творчества Горького, не являются отступлением от «Моих университетов», «Дела Артамоновых», а знаменуют начало новой тенденции, получившей завершение в «Жизни Клима Самгина» — осознание духовного развития народа России.

Близость «Заметок...» и «Моих университетов» выражается в некоторой общности материала. В автобиографии тоже показаны люди, которые не живут по законам здравого смысла — многие обитатели Марусовки, некоторые крестьяне села Красновидова — Баринов, Кукушкин (последний был хорошим печником, ловко плотничал, знал пчел, учил баб разводить птицу, но работал копотливо и неохотно; с увлечением он только разводил кошек и рассказывал выдуманные истории, в которых плохие люди уставали злодействовать и уходили в монастырь). Главным же в повести было изображение процесса становления мировоззрения у человека из народа. Драматизм этого процесса своеобразно перекликается с драматизмом раздумий о жизни многочисленных героев «Заметок...» Разное впечатление от этих произведений объясняется тем, что в автобиографии «разнокалиберные» герои предстают как предмет раздумий юного Алеши, а здесь они приобретают самостоятельное значение.

Исследователи «Жизни Клима Самгина», за редким исключением, не обратили внимания на связь романа с «Заметками...». Лишь И. Нович в работе «Художественное завещание Горького» говорит о «мотивах, фактах жизни, вскоре преобразенных и в сюжете романа «Жизнь Клима Самгина»²². Действительно, мотив выдумавших себя людей характерен для обоих произведений, но выступает в разном своем качестве. В одном случае, как мы уже видели, он предстает в форме образного мышления. Это характерно для тех, кто не занимается интеллектуальной деятельностью. В романе «выдумывают себя» образованные, способные к теоретическому мышлению интеллигенты, поэтому преобладают формы логических построений, а не образных картин.

Представляется, что общность романа и «Заметок...» идет дальше, она обнаруживается и в характере интереса к индивидуальности, в стремлении запечатлеть, сохранить для общества все неповторимое

²² И. Нович. Художественное завещание Горького. СП, М., 1965, стр. 35.

разнообразие жизни, нашедшей выражение в причудливом развитии фантазии, сознания, склонностей русских людей. «Дело Артамоновых» ограничено отбором типов, необходимых для выражения идей произведения. Только «Заметки...» и «Жизнь Клима Самгина» могут быть поставлены рядом по свободному, не скованному никакими рамками повествованию о бесконечном богатстве судеб и характеров русских людей, по драматизму поисков мысли, по желанию ищущих дойти до корня.

«Жизнь Клима Самгина» являет собой более высокую ступень в изображении русского национального характера в его разнообразии личностного проявления. Здесь обрисованы не только разные типы этого характера, но и взаимодействие их друг с другом, показаны условия возникновения разных типов мышления. Воля личности не предстает в романе неограниченной, как в «Заметках...», а художественно обусловлена совокупностью жизненных факторов вплоть до исторического процесса.

В «Заметках...» же стала складываться столь характерная для «Жизни Клима Самгина» манера двупланового изображения человека: видимое всем и сокровенное, которое становится достоянием лишь тех, кто пристально вглядывается в человека. В «Заметках...» раскрываются сами поиски главного в личности, в романе это отойдет в определенную композиционную форму — систему зеркал, которая позволяет и предполагает постепенное постижение сущности того или иного человека по отражению ее в других людях.

В «Заметках...» начала складываться еще одна особенность мастерства Горького, вытекающая из своеобразия его интереса к человеку. Главным героем произведения стал рассказчик, автор же отступил на второй план, перестал быть центром, в отличие от сборника «По Руси», автобиографической трилогии. Эта тенденция получит классическое завершение в «Жизни Клима Самгина», где подавляющее большинство героев выступает со своей правдой, роман становится полем преимущественно их деятельности, а автор не получает равных с ними прав, они намного скромнее. «Заметки...», по определению самого Горького, были в этом смысле своеобразным «уроком чистописания»²³.

Почему эта манера возобладала в творчестве Горького последнего времени? Отчасти это объясняется особенностью его таланта, который начал формироваться не столько под влиянием письменной, сколько устной литературы. Сказительница-бабушка приобщила Алешу Пешкова к поэзии раньше, чем он увидел печатное слово. По свидетельству современников, Горький был изумительным рассказчиком. А. Ворон-

²³ Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. «Искусство», М., 1968, стр. 352.

ский замечает в своих воспоминаниях: «Я не знаю, в чем сильнее проявляется его талант, в печатных ли его произведениях или в его устных рассказах и беседах»²⁴. К. Федина поражала способность Горького рассказчика остаться самому в тени и выпукло обрисовать то, что представляло его взору. То есть К. Федин обращает внимание на то, что составляло силу Горького-писателя. Не менее интересно и важно, как Горький рассказывал. «Рассказывал он без внешних эффектов, без наигранности, глуховатым голосом, сильно окая, с перерывами и выразительными, умными паузами, с угрюмой ухмылкой и смешком, иногда с видом как будто простоватым и наивным, однако, «себе на уме»²⁵. Эти впечатления Воронского позволяют видеть, что важную роль в манере Горького играют не только слово, но и тон, пауза, говорят о содержательности решительно всех элементов звучащей речи.

Горький сознавал особенности своего таланта и несколько тяготился этим. Так, в письме к Ромен Роллану он жалуется: «У меня — перегруженность впечатлениями бытия, гипертрофия в знании фактов, я слишком увлекаюсь их внешней необычностью и это делает меня рассказчиком, а не исследователем тайн человеческой души, загадок жизни»²⁶.

Горький был действительно перегружен впечатлениями бытия. И дело здесь не только в особенностях времени — эпоха трех революций, не только в активности художника-революционера, но и в характере дарования. Горький-писатель был очень жаден на людей. Он сам искал впечатлений. Воронский пишет по этому поводу: «...главное, чем он покорял, заключалось в его глубоком и неподдельном интересе к человеку, в его жадных восприятиях всего человеческого. Он как бы обволакивал этой своей настроенностью собеседника. Ну-ка, каков ты есть человек? — будто говорил он ему. — Чем ты отличаешься от другого, во что веришь, что способен внести в жизнь? Он не расспрашивал, не выпытывал, наоборот, он любил и сам поговорить, но собеседник все время чувствовал, что Горького занимает человек, его судьба, что в каждом он старался отыскать своеобразное, и это невольно располагало»²⁷.

Горький постоянно чувствовал связь с «говорящим» героем. К нему шли и писали письма даже дети. Он всегда мог и должен был знакомиться с событиями и судьбами людей в интерпретации других, должен был добираться до сути сквозь преграду словесной оболочки.

²⁴ А. Воронский. Встречи и беседы с Максимом Горьким. — «Новый мир», 1966, № 6, стр. 219.

²⁵ А. Воронский. Там же, стр. 219.

²⁶ «Архив А. М. Горького», т. VIII, М., 1960, стр. 339.

²⁷ А. Воронский, Встречи и беседы с Максимом Горьким. — «Новый мир», 1966, № 6, стр. 219.

Все это необычайно изощряло художническое умение понимать человека не только в фактах его жизни, но и в манере рассказа о них. Колоссальный опыт такого рода Горький приобрел в годы революции, когда к нему приходили люди разных классов, уровней духовного развития, но говорили все об одном — о Революции. Так постепенно формируется новый принцип изображения человека, действительности — передача объективной правды жизни через субъективную правду рассказывающего. Горьковский герой становится преимущественно «говорящим», отсюда так важен «свой тон речи, свои словечки».

Из сказанного можно сделать выводы, что «Заметки...» органичны для творчества Горького советского периода, знаменуя собой начало воплощения замысла «Жизни Клима Самгина».

Март, 1969

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса

M. GORKIO „PASTABOS IŠ DIENORAŠČIO. ATSIMINIMAI“

E. KONDIURINA

Re z i u m ė

Straipsnyje „M. Gorkio „Pastabos iš dienoraščio. Atsiminimai“ nurodoma, kokią vietą šis veikalas užima tarybinio periodo rašytojo kūryboje. Polemizuodama su dabartinio požiūrio atstovais, autorė siekia įrodyti, kad „Pastabos“ nebuvo nutolusios nuo pagrindinės jo kūrybos krypties, o kaip tik davė kai kuriuos pradmenis būsimajam romanui „Klimo Samgino gyvenimas“.

„THE NOTES FROM THE DIARY. REMINISCENCES“

BY M. GORKY

E. KONDIURINA

S u m m a r y

The paper deals with the problem of defining the place which „The Notes from the Diary. Reminiscences“ by M. Gorky occupies among the writer's post-revolutionary writings.

Entering into polemics with those who hold the view that in „The Notes“ M. Gorky stepped back from the cardinal line of his creations, the author seeks to prove that in this book M. Gorky realizes the tendencies which were later fully expressed in „The Life of Klim Samgin“.